

Роль страха в экономическом поведении в настоящее время и после полной победы демократии

П.А. ОРЕХОВСКИЙ

Одним из сильнейших мотивов поведения, помимо стремления к прибыли, является страх. В условиях постоянных угроз применения насилия экономическое поведение людей существенно меняется. Как показывают Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст, институты, регулирующие хозяйственное поведение государств различных типов, принципиально различаются. В связи с этим первоочередными задачами для России являются снижение уровня децентрализованного насилия, реальная, а не декоративная реформа правоохранительных органов и постепенный переход к верховенству закона.

Ключевые слова: страх, насилие, естественное государство, государство открытого доступа, патрон-клиентские сети, символический капитал

Определения

Страх – это *мотив* поведения, который обычно не рассматривается экономической теорией в силу противоречия с самим предметом исследования. Экономическое поведение – поведение *рациональное*, предполагающее возможность расчета доходов и издержек. Согласно Г. Саймону, такой рациональностью люди обладают лишь в ограниченной степени (в частности, из-за неполноты информации и стремления экономить на интеллектуальных усилиях). Такая ограниченная рациональность не мешает экономическим расчетам; напротив, страх – *иррациональное* чувство, вызывающее стремление избежать реального или воображаемого неблагоприятного события *любыми средствами*, не считаясь с затратами.

Очевидно, следует различать такой иррациональный страх и *риск*. Многие профессии так или иначе связаны с риском для жизни, будь-то военная, пожарная или полицейская службы, работа монтажников-высотников, летчиков или шоферов. В этом случае риск вполне можно представить как *отрицательную полезность труда* по С. Джевонсу: если он превышает положительную полезность, доставляемую результатом труда и его оплатой, такой риск становится неприемлем и работа останется невыполненной. При таком подходе имеет место *рационализация страха* – его можно измерить, оценить – и в силу этого он относительно слабо влияет на экономическое поведение. В данной работе пойдет речь о страхе, связанном с неопределенностью по Ф. Найту. Последняя предполагает, что субъект

изначально не может достоверно оценить размер ущерба, наносимого ему неблагоприятным исходом или полагает этот ущерб неприемлемым для себя¹.

Способность бояться у разных людей различается не меньше, чем их способность получать удовольствие от потребления различных благ. Поэтому в качестве предмета анализа здесь рассматривается *социальный* (социализированный) страх, управляющий поведением не только одного человека, но *групп людей*. Отдельный субъект может игнорировать угрозу получения инфекционного заболевания или, напротив, панически бояться заразиться. Общество реагирует на такую угрозу, выделяя средства на разработку вакцин, методов профилактики и лечения. В результате страх, вызванный угрозой инфекции, рационализируется, превращается в *риск* и, в конечном счете, исключается.

Рационализация страха и исключение внешних по отношению к обществу угроз – природных или военных – осуществляется с помощью *власти*. Последняя понимается как отношения господства – подчинения по М. Веберу. Господствующий субъект должен быть готов принять на себя необходимый риск, связанный с ответственностью за принятие решений, в то время как подчиненный субъект избегает риска (и впоследствии готов довольствоваться фиксированным вознаграждением, в то время как лидер получает прибыль – или терпит убытки). Необходимым условием легитимности власти, ее одобрения и признания большинством населения является ее способность к нейтрализации таких внешних угроз. Государственная организация власти приводит к преодолению порогового уровня страха, устанавливает институциональные рамки рыночных обменов как внутри государства, так и торговли между государствами. Поэтому одним из важнейших смыслов существования государства, о чем часто забывается, являются снижение страха и увеличение доверия между субъектами (как социальными группами, так и отдельными людьми).

На первый взгляд, страх является противоположностью доверия, однако это не так. Парной к доверию категорией остается оппортунизм (по О. Уильямсону), «преследование личного интереса с использованием коварства» [Уильямсон 1996, с. 97]. Высокий уровень доверия снижает транзакционные издержки, высокий уровень оппортунизма их повышает. Страх является относительно нейтральным по отношению к величине транзакционных издержек. Так, высокий уровень доверия на первый взгляд должен соседствовать с низким уровнем страха. Но, с другой стороны, боязнь наказаний за нарушения закона в репрессивном государстве, обуславливая высокий уровень страха, заодно снижает оппортунизм, повышая доверие.

Принимая *внешние* по отношению к социуму угрозы «на себя» и организуя их нейтрализацию, власть одновременно становится источником *внутренних* угроз и страха. В соответствии с видами власти можно выделить следующие виды страха:

- страх физического насилия, пыток, лишения свободы;
- страх потери имущества, дохода, материальных источников существования;
- страх «потери лица», репутации, символического социального статуса.

По-видимому, существует определенный пороговый уровень страха и насилия, при котором экономическая деятельность и сотрудничество субъектов заканчивается, и они переходят в состояние крайней политической вражды, направленной на устранение друг друга. Между гражданской войной и гражданским миром нет четкой демаркации, но существует целый ряд переходных состояний (митинги, забастовки, столкновения с полицией, мятежи в военных частях, вве-

¹ Человек может мириться с опасностью работы для себя, и спокойно относиться к вероятности гибели. Однако угроза жизни близким, семье может оказаться для него неприемлемой.

дение собственного судопроизводства в отдельных частях страны, шариат – и т.д. и т.п.). В результате объем доходов и темпы экономического роста меньше зависят от инвестиций и инноваций и гораздо больше от уровня насилия, применяемого социальными группами, и фактора страха, влияние которого в таких ситуациях оказывается намного сильнее стремления к прибыли.

Необходимо отметить, что потери потенциального ВВП, связанные с влиянием фактора страха и применением насилия, обычно не замечаются экономической наукой. Исключение, пожалуй, составляют только потери дохода, связанные с безработицей и забастовками² или открытыми межгосударственными военными действиями. Страх, рассматриваемый в настоящей работе, непосредственно связан с характером и деятельностью власти, которая предполагает *наличие иерархии*, неравенства действующих субъектов. Последнее обстоятельство входит в противоречие с обычной методологией экономического анализа, основанной на признании равенства и однородности субъектов, ведущих экономическую деятельность. Различие между ними допускается на основе разной склонности к риску, что лежит в основе типологии контрактов (классический, неоклассический, имплицитный). Однако ситуация, когда один субъект угрожает насилием другому, и этот последний регулярно выплачивает определенные суммы, чтобы избежать насилия – такая обыденная для российского бизнеса ситуация – в экономической теории не рассматривается; считается, что это «внеэкономическое принуждение».

Естественные государства и государства открытого доступа. Постановка проблемы

Политическое устройство общества, как уже говорилось, должно минимизировать «внутренний страх» социума, регулировать возникающие в разных сферах общества риски. Разные государства делают это по-разному. Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст разделяют все бесчисленное множество существующих политических устройств на два типа – государство открытого и государство ограниченного доступа (последнее они также называют «естественным государством») [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. Большая часть человечества (85%) живут в естественных государствах [Норт и др. 2011, с. 56]; социальный порядок, регулирующий насилие и страх в этих системах, кардинально отличается от стран с социальным порядком открытого доступа. При этом современная экономическая теория обычно не учитывает институциональные рамки, неявно предполагая наличие государства открытого доступа. В результате перенос экономических рекомендаций из одной институциональной среды в другую оказывается невозможен или приводит к негативным результатам.

Естественные государства складываются на основе монополизации, контроля и последующего перераспределения ренты правящей коалицией. В случае хрупкого естественного государства существует несколько конкурирующих групп, пытающихся захватить контроль над рентой; и такое государство нестабильно. Результатом войн и междоусобиц может стать распад страны, образование на ее месте новых государств, где борьба за централизацию контроля продолжится. Напротив, в случае зрелого естественного государства правящая коалиция достаточно широка, ее конкуренты слабы и маргинализированы. Перераспределение ренты обеспечивает лояльность большинства элит к действующему порядку, и такое государство может существовать очень долго.

² Кроме того, фиксируются и затраты на содержание пенитенциарной системы, однако обычно они не рассматриваются как «чистый вычет» из общественного благосостояния.

В основе естественного государства лежат патрон-клиентские сети, обеспечивающие необходимый минимальный уровень доверия. Такие сети формируются на местах и являются относительно независимыми друг от друга. Центральное правительство не вмешивается в эти отношения, если только не происходит каких-то системных сбоев – таких как техногенные (в случае России, например, авария на Саяно-Шушенской ГЭС) или социальные (безработица в моногородах) катастрофы.

Стоит отметить, что в естественных государствах население существует *для властей*, а не наоборот. Как указывает Б. Жувенель: «Когда Вильгельм делит Англию на 60 000 рыцарских ленов, это определено означает, что каждая из 60 000 человеческих групп будет обеспечивать своим трудом средства одному из победителей. В глазах завоевателей это единственное оправдание существования покоренного населения. Если бы нельзя было сделать его полезными таким образом, то не было бы резона оставлять ему жизнь» [Жувенель 2011, с. 154]. В естественном государстве *власть является источником населения*, она формирует нужный себе народ, общественное мнение, закон. Никакого равенства граждан перед законом здесь не существует, разные нормы действуют в отношении людей разных статусов. Можно возразить, что такая ситуация характерна для феодального, сословного общества и неприменима к молодой российской демократии, где народ выбирает депутатов и президента, являясь «источником власти». Однако, с другой стороны, как можно иначе интерпретировать квоты на трудовую иммиграцию, выдаваемые российским правительством отдельным регионам и предприятиям?³

Естественное государство – действительно принципиально иная институциональная система, нежели государство открытого доступа, которое принято отождествлять с развитой демократией. Для того чтобы перейти к последней, как полагают Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгайт, необходимо соблюдение трех пороговых условий:

- верховенство закона, признаваемое всеми элитами;
- наличие бессрочно существующих организаций (фирм, партий, СМИ, самого государства и т.д.; бессрочность означает отсутствие привязки к личности или «клану»);
- централизованный (консолидированный) контроль над вооруженными силами (и аппаратом принуждения).

Централизованный контроль над вооруженными силами и аппаратом принуждения резко снижает уровень насилия и вызываемого им страха. Наряду с верховенством закона это необходимые условия свободной экономической деятельности, и в этом случае местные патрон-клиентские сети разрушаются, сливаясь в общегосударственные формальные и неформальные институты доверия. Создание новых фирм и организаций начинает расти лавинообразно, при этом такое государство обеспечивает равный доступ к судебной защите, рынкам, возможностям реализации инноваций. Возникает и реализуется принципиально иной характер взаимосвязи между университетами, научными организациями и бизнесом. Соответственно, страна выходит на устойчивую траекторию экономического роста, постепенно присоединяясь к клубу «развитых стран».

Чарльз Тилли, характеризуюя переход к демократии, указывает на дополнительные условия, необходимые для установления порядка открытого доступа. Это

³ И сколько бы ни убеждали российских чиновников в том, что они – слуги, а не хозяева народа, сколько бы ни говорили об «общественном договоре», в ходе которого налоги должны обмениваться на публичные блага, в условиях естественного государства это будет противоречить «действительности, непосредственно данной нам в ощущениях». Однако поскольку в России «демократия», правящая коалиция «рядится в овечьи одежды», которые тут же сбрасываются, когда речь идет не об «общественном договоре», а о *реальности*.

Один сюжет с мигалками и жертвами губернаторских кортежей на российских дорогах является прекрасной иллюстрацией того, «кто в доме хозяин».

уже упоминавшееся разрушение местных патрон-клиентских сетей, ликвидация *категориального* неравенства, уничтожение автономных (теневых) центров власти и вовлечение всех политических акторов в *публичную* политику [Тилли 2007]. Концепция Тилли при этом допускает и возможность «отката», дедемократизации, отличаясь этим от взглядов Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста.

Действительно, нарастание неравенства в доходах и распределении имущества может со временем привести к закреплению такого неравенства в тех или иных социальных практиках. Тем самым возникнет сначала фактическое, а потом и каким-либо образом нормативно закреплённое (категориальное) неравенство граждан перед законом. Результат – «размывание» государства открытого доступа и постепенный возврат к естественному государству. Такая перспектива почему-то не рассматривается авторами концепции социального порядка открытого доступа, но в свете развития современного мирового кризиса, наплыва мигрантов в развитые страны и роста насилия, вызывающего и рост страха, она представляется вполне вероятной.

Для России актуальными остаются и проблема перехода к социальному порядку открытого доступа, и проблема «отката назад», дедемократизации. При этом, казалось бы, в нашей стране наличествует общий консенсус элит о необходимости демократии⁴, существует централизованный контроль над аппаратом принуждения, работает множество фирм и некоммерческих организаций, сроки жизни которых никак не связаны со сроками нахождения тех или иных персонажей во власти. Провозглашается – хотя и периодически нарушается такими прецедентами, как дела Магнитского, Ходорковского-Лебедева и других – верховенство закона. Почему же действительного, реального перехода не происходит? Более того, части социологов политический режим, действовавший в России на протяжении нулевых годов двадцать первого века, представляется шагом назад с точки зрения объема политических свобод по сравнению с российским режимом девяностых годов. Такая оценка разделяется и организацией «Фридом хаус» [Тилли 2007, с. 166].

Нельзя сказать, что это новая постановка вопроса. Проблема «возврата к тоталитаризму» давно обсуждается в российских либеральных СМИ. Большинство авторов сходятся во мнении, что дело в личных качествах нынешних лидеров России и в первую очередь в свойствах характера и биографии В.В. Путина. Стереотипы мышления, накладываемые службой в КГБ, негативное отношение к Западу и демократии способствовали укреплению авторитарных тенденций. Вдобавок В.В. Путин привел вместе с собой к власти «силовиков», которых в правительстве стало больше, чем «либералов».

Не отрицая значение качества элиты для принимаемых государством решений, я склонен полагать, что основными факторами того, что «авторитарный разворот» в 2000-е имел место, являлись децентрализованное, криминальное насилие и высокий уровень страха, связанный с ним. От путинского авторитаризма и связанного с ним укрепления центральной власти ожидали снижения насилия, «наведения порядка».

К настоящему времени следует констатировать, что эти надежды не оправдались.

Уровень децентрализованного насилия и специфика российского бизнеса

Советские люди, помнящие семидесятые годы, могут рассказать современному социологу о характеристиках тогдашнего повседневного быта, которые выглядят весьма удивительно с позиций сегодняшнего дня. Так, при советской власти

⁴ Это признается даже таким критиком современного российского истеблишмента как Г.О. Павловский [Павловский 2012, с. 38].

во многих сибирских деревнях в двери даже не врезали замки. В городах на первых этажах не было ни решеток на окнах, ни охранной сигнализации. Квартирные железные двери также были большой редкостью.

Ситуация стала меняться уже в восьмидесятые годы, а в девяностые имел место реальный взрыв криминального насилия. Об этом свидетельствует, пусть и неточная, сегодняшняя статистика Министерства внутренних дел России:

Таблица 1. Число зарегистрированных преступлений по видам, (тыс.)⁵

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Зарегистрировано преступлений – ВСЕГО	1839,5	2755,7	2952,4	2968,3	2526,3	2756,4	2893,8	3554,7	3855,4	3582,5	3209,9	2994,8
<i>в том числе:</i>												
убийство и покушение на убийство	15,6	31,7	31,8	33,6	32,3	31,6	31,6	30,8	27,5	22,2	20,1	17,7
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	41,0	61,7	49,8	55,7	58,5	57,1	57,4	57,9	51,4	47,3	45,4	43,1
изнасилование и покушение на изнасилование	15,0	12,5	7,9	8,2	8,1	8,1	8,8	9,2	8,9	7,0	6,2	5,4
грабеж	83,3	140,6	132,4	148,8	167,3	198,0	251,4	344,4	357,3	295,1	244,0	205,4
разбой	16,5	37,7	39,4	44,8	47,1	48,7	55,4	63,7	59,8	45,3	35,4	30,1
кража	913,1	1367,9	1310,1	1273,2	926,8	1150,8	1276,9	1573,0	1677,0	1567,0	1326,3	1188,6
терроризм, единиц	...	1	135	327	360	561	265	203	112	48	10	15
преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	16,3	79,9	243,6	241,6	189,6	181,7	150,1	175,2	212,0	231,2	232,6	238,5
взятничество	2,7	4,7	7,0	7,9	7,3	7,3	8,9	9,8	11,1	11,6	12,5	13,1

В таблице 1 обращает на себя внимание не только резкий рост преступлений в 1995 г. по сравнению с 1990 г., но и продолжение роста в 2000-е. При этом пик правонарушений приходится на 2004–2009 гг.; снижаются только показатели по терроризму.

Еще более наглядным является количество жертв насилия:

⁵ Российский статистический ежегодник 2010, с. 311

Таблица 2. Число лиц, потерпевших от преступных посягательств, (тыс. чел.)⁶

Годы	число лиц, потерпевших от преступных посягательств		из них в результате преступных посягательств			
			погибли		получили тяжкий вред здоровью	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
2000	654,4	1441,1	16,8	59,9	14,8	59,7
2001	716,9	1445,4	15,9	62,8	12,7	58,6
2002	630,0	1263,2	16,8	60,0	12,3	55,9
2003	689,4	1387,7	16,8	60,1	10,3	53,6
2004	768,3	1453,9	15,8	56,5	9,1	50,4
2005	1038,7	1770,5	15,6	52,9	10,2	50,8
2006	1156,8	1809,2	15,2	46,1	9,7	47,4
2007	1071,8	1603,3	13,3	40,7	9,5	43,4
2008	902,9	1400,9	11,0	35,0	8,2	40,3
2009	893,1	1060,1	8,9	22,4	10,0	30,8
Итого за 10 лет	8522,3	14635,3	146,1	496,4	106,8	490,9

Итого за десять «стабильных лет» пострадали от преступных посягательств – и тем самым подвергались угрозам или прямому насилию – 8 522,3 тыс. женщин, 14 635,3 тыс. мужчин, из них погибли – 146,1 тыс. женщин и 496,4 тыс. мужчин.

Не будет преувеличением сказать, что с насилием и угрозами за последние двадцать лет так или иначе столкнулась *половина* российских семей, и это радикально изменило представления о социальных нормах. Страх и подозрительность – мотивы хозяйственного поведения, которые в таких условиях становятся намного сильнее стремления к максимизации дохода. Случаи, когда за перечисленные деньги не предоставляются товары и услуги, когда партнер изымает из фирмы всю ликвидность и исчезает вместе с ней, когда не возвращаются кредиты, а предоставленные залогом ничего не стоят, не говоря уже о рейдерстве, являются обычной и повсеместной российской практикой. И, к сожалению, очень большая часть таких ситуаций не регулируется в судебном порядке.

Такая экономическая система имеет мало общего с контрактами, исполнение которых гарантируется работой судов и рациональной калькуляцией издержек и доходов. Работоспособность российской экономики основана именно на патрон-клиентских сетях, фиксации неформального неравенства и отсутствии возможностей публичного оспаривания (переноса конфликтов в сферу публичной политики).

Патрон-клиентские сети

Попытка охарактеризовать специфику ведения бизнеса в России в условиях криминального насилия и патрон-клиентских сетей всегда будет оставлять чувство

⁶ Российский статистический ежегодник 2010, с.314

неудовлетворенности и у социологов, и у экономистов. Предмет такого описания есть: время от времени он проявляется в уголовных делах, связанных с коррупцией; и в то же время его нет, так как любое преступление по определению является отклонением от социальной нормы, подлежащей исправлению, а не самой нормой. В связи с этим типология и описание механизма работы сетей, приведенное в данном параграфе, представляется в определенной степени умозрительным; подтвердить это описание документальными данными у меня нет возможности.

Патрон-клиентские сети в России условно можно разделить на два больших типа – федеральные и региональные; местные сети выделять не имеет смысла: они не могут успешно функционировать без курирования их со стороны региональных патронов [Якутенко 2011]. Крупные иностранные корпорации, осуществляющие прямые инвестиции в создание новых производств в России, входят в федеральные сети и могут для своей защиты использовать доступ к регулирующим органам соответствующего уровня. Именно этим объясняется концентрация иностранного бизнеса в Москве и Подмоскowie (прежде всего, штаб-квартир корпораций), а такое исключение, как Калужская область, подтверждает правило.

В федеральные сети входят и отечественные нефтяные, металлургические, химические, телекоммуникационные, торговые корпорации. Все они имеют собственные службы безопасности, департаменты по «связям с общественностью» и т.д. Предметом торга с «патронами», в качестве которых выступают курирующие их деятельность представители государства, для таких корпораций являются цены и тарифы, размер налоговых отчислений, «оптимизируемых» через офшоры и аффилированные, предназначенные именно для сокращения платежей, фирмы.

Где кончается государственный мониторинг и «кураторство» и начинается «монополизация ренты» и «ценовой сговор», сопровождающийся передачей части ренты патрону? Определить эту грань невозможно⁷. Только косвенные признаки (такие как рост цен на электроэнергию более чем в два раза за два года после реформы РАО «ЕЭС») заставляют усомниться в «эффективности регулирования рынка электрической энергии»⁸. Аналогичным образом невозможно определить грань между необходимой финансовой помощью «структурообразующим» банкам и корпорациям и разделом бюджетных средств между финансово-хозяйственными элитами. Соответственно, требование «борьбы с коррупцией», учитывая специфику патрон-клиентских сетей, составляющих основу естественного государства России, выглядит, по сути, как требование ликвидации государственных органов.

Почему эти частные сети доверия не разрушаются и не сливаются в одну, как предполагал Ч. Тилли? Такое разрушение возможно при переходе к безличностному обмену, что в свою очередь должно привести к выдвинутому Д. Нортон с соавторами пороговому условию верховенства закона. Фактически это означает размен гарантий безопасности отдельной личности *для себя* на гарантии безопасности *для всех*. Такое возможно только при условии *постоянного снижения уровня страха*, что означает и снижение уровня децентрализованного насилия. Тогда такой размен может рассматриваться *абстрактно*, не являясь непосредственно и постоянно ощущаемой угрозой для жизни обывателя. В сегодняшних россий-

⁷ Аналогичная ситуация время от времени наблюдается и в деятельности собственно правоохранительных органов. Так, «курировать» подпольный игровой бизнес входит в прямые обязанности прокуратуры. С какого момента в подмосковной прокуратуре в известном деле А. Игнатенко «кураторство» превратилось в «крышевание», для постороннего наблюдателя определить невозможно.

⁸ Включение в состав издержек «платы за страх» приводит к постоянному росту цен, и российский бизнес практически всегда использует краткосрочную стратегию «снятия сливок». В то же время фактор страха может влиять и в обратную сторону, когда ресурсы продаются по заниженной цене. Разница в ценах между сырьем и готовой продукцией в 300–500% является для России нормой; как и то, что большинство розничных цен при переводе их в евро или доллары оказывается выше, чем на Западе и, тем более, на Востоке.

ских условиях, когда насилие существенно не снижается, а периодически уходит в рост, такой обмен невозможен.

Российские региональные патрон-клиентские сети охватывают оборот услуг ЖКХ, строительства, местной недвижимости и земли, здравоохранения, рекреации и спорта, среднего образования и т.д. По большей части эти сети связаны с тем, что экономическая теория выделяет как «неторгуемые товары и услуги» (они либо непеременяемы, либо имеют низкую степень мобильности). Особенностью региональных сетей по сравнению с федеральными является относительно более высокий вес клановых и родственных связей, что в свою очередь может вызывать открытые вооруженные конфликты, связанные с этническим предпринимательством и землячествами. Кроме того, на региональном уровне сращивание политической власти и собственности представляется гораздо более наглядным и практически не скрывается.

Рейдерские захваты предприятий, как правило, происходят с использованием именно региональных патрон-клиентских сетей, и отбить такую атаку собственники могут, только подключив федеральный уровень. В результате обычной практикой местного предпринимательства являются полная информационная закрытость и стремление к незаметности, что достигается через отказ от регистрации юридических лиц и переход к работе в качестве индивидуальных предпринимателей. Естественно, это накладывает большие ограничения и на эффективность, и на размер бизнеса, однако вполне соответствует отмеченному еще Ф. Фукуямой дефициту доверия и вызванному этим отсутствию экономики на масштабе в естественных государствах [Фукуяма 2004].

Невозможность оспаривания

Работа патрон-клиентских сетей предполагает определенную «недооформленность» прав собственности, но это никак не связано с «первородным грехом» российской приватизации. Доводы (как правило, демагогические) в пользу нелегитимности последней возникают в публичных дискуссиях, что само по себе свидетельствует о наличии *легальных, оформленных* прав собственности. Патрон-клиентские отношения – договорные, но *внезаконные* права собственности не могут стать легальными, и в силу этого они не подлежат включению в публичную политику, а посему не могут быть предметом *публичной коммуникации*.

Как происходят в российской практике переговоры менеджера с собственником, собственника с государственным куратором и другими людьми, исполняющими роли клиентов и патронов? «С такого-то числа будешь отдавать мне сумму X». Размер суммы определяется патроном, исходя из собственных представлений о целесообразности и платежеспособности клиента. Если клиент с ним не согласен, он (в случае менеджера) увольняется, в других случаях его бизнес будет ликвидирован.

Что предоставляет своему клиенту патрон? Фактически – ни много, ни мало – *гарантии права собственности* (владения, распоряжения, использования). Предать эту договоренность публичному обсуждению означает поставить данную гарантию под сомнение. А других, более надежных гарантий в государстве российском пока не существует⁹.

⁹ Это обуславливает еще одну особенность российского бизнеса – анонимность собственников. Даже в случае очень крупного бизнеса (последний пример – аэропорт Домодедово) имена собственников остаются тайной. Предание данной информации широкой публике означало бы раскрытие патрон-клиентских отношений, что могло бы привести к их разрыву и потере гарантий собственности. В связи с этим периодические призывы к чиновни-

Чарльз Тилли предполагает, что в ходе демократизации устраняются автономные центры власти и бывшие агенты патрон-клиентских сетей включаются в публичную политику. Любое самостоятельное публичное политическое выступление предпринимателя, не согласованное с патроном, означает лишение себя единственной гарантии защиты. А это не только потери части бюджетной ренты (платы за лояльность), но и угроза последующей документальной проверки законности бизнеса, которая, как легко предвидеть, закончится его переделом.

Очевидно, что причина сохранения автономных центров власти полностью совпадает с причиной сохранения отдельных патрон-клиентских сетей, рассмотренной выше. Однако причина невозможности включения этих центров в публичную политику в другом. Политика представляет собой борьбу за перераспределение власти, публичная политика означает одновременно и информирование общества о целях политических субъектов, но патрон-клиентские отношения не подлежат огласке в связи с их «незаконностью», «коррупционностью». Поэтому в отсутствие публичного обсуждения внешне все выглядит «нормально», также как и в государстве открытого доступа – парламент, президент, разделение властей, фирмы, корпорации, биржи... Настораживает разве что отсутствие общественных дискуссий по основным вопросам экономической, технологической, промышленной политики. Решения власти *безальтернативны*.

Результатом всего этого является очень специфический образ ведения дел российским бизнесом. Мне уже доводилось говорить о том, что под юридической «маской» российской фирмы зачастую скрываются полубандитские отношения, основанные на неформальном лидерстве и не связанные с традиционными процедурами менеджмента и бухгалтерского учета [Ореховский 2011]. Учитывая уровень децентрализованного насилия в России, скрывающегося под внешними цивилизованными формами, другого ожидать не приходится.

Формальное (категориальное) и неформальное неравенство

Один из признаков демократического политического устройства – уровень вовлеченности населения в избирательные процедуры и отсутствие неравенства при голосовании (один человек – один голос, каждый кандидат при соблюдении общеустановленных правил может быть избранным). В связи с этим Тилли обращает внимание в первую очередь на отсутствие категориального неравенства, иллюстрируя обратное примером апартеида. Предполагается, что неравенство, связанное с большой социальной дифференциацией в доходах, а также действием разного рода неформальных механизмов не мешает работе демократии и эффективному рыночному механизму.

Это не так. Претенденты на политическую власть проходят жесткий отбор в патрон-клиентских сетях, а другие, независимые, по определению не могут располагать достаточными финансовыми средствами и доступом к средствам массовой информации. В связи с этим власть правящей коалиции в зрелом естественном государстве *безальтернативна*.

Норт и соавторы говорят, что переход к верховенству закона происходит параллельно с выполнением других пороговых условий, и с этим можно согласиться. Исторически равенство граждан перед законом в государствах открытого доступа возникало в условиях ликвидации сословий. В России, наследнице СССР, не было

кам предоставить списки принадлежащего их семьям имущества с помощью деклараций представляются весьма наивными, если не сказать хуже.

прежних «феодалных» сословий, в связи с чем переход к демократии казался менее трудным. Однако логика демократического строительства привела к возникновению разного рода новых служебных привилегий, которые отчасти формируют легальное неравенство граждан¹⁰.

Таблица 3. Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения. Первая десятка регионов, Москва и Санкт-Петербург¹¹

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Место, занимаемое в Российской Федерации 2009
Пермский край	1407	2710	2971	3087	2595	3113	3494	4492	4941	4302	3599	3262	1
Иркутская область	1724	2369	2856	2885	2693	2660	2750	3376	3630	3793	3496	3223	2
Республика Бурятия	1673	2624	3118	3213	2478	2317	2609	3140	3648	3732	3494	3146	3
Хабаровский край	2064	2927	3111	3269	2975	3102	3055	3684	4565	4314	3940	3142	4
Астраханская область	1305	1957	2114	2174	2135	2325	2718	2852	2988	3179	3140	2995	5
Новосибирская область	1582	2681	2506	2597	2135	2481	2648	3355	3611	3596	3175	2891	6
Республика Алтай	...	2193	2591	2325	1842	2343	2307	2661	3118	3067	2945	2887	7
Приморский край	1979	3109	2689	2571	2146	2359	2330	3050	4097	3830	3291	2830	8
Томская область	1624	2654	2402	2449	2038	2420	2700	3107	3249	3061	3019	2754	9
Красноярский край	1738	2421	2397	2415	1883	2099	2247	2831	3377	3164	2918	2733	10
г. Москва	673	1011	1092	1236	1582	1989	1977	2093	2275	2206	2020	2013	39
г. Санкт-Петербург	1151	2098	2066	1935	1546	1290	1542	2186	2265	2183	1789	1680	61

Тем не менее, с точки зрения рассматриваемых в данной работе проблем, категориальные различия таможенников от пожарных являются менее значимыми по сравнению с:

- межрегиональной дифференциацией децентрализованного насилия. Столичные жители обычно намного лучше защищены и соответственно могут гораздо больше себе позволить и в отношении участия в политической и в экономической деятельности. Здесь больше возможностей включиться

¹⁰ С.Г. Кордонский подробно рассмотрел этот процесс в своей монографии [Кордонский 2010].

¹¹ Регионы России... 2010, с. 328–329 .

в федеральные патрон-клиентские сети или приобрести независимый статус представителя свободных профессий;

- наличием у отдельных социальных групп служебных автомобилей и охраны (или гарантий от применения насилия к ним со стороны работников полиции). В этом случае риск насилия – и, соответственно, уровень страха субъекта – резко снижается. Подобными привилегиями пользуются либо чиновники достаточно высокого статуса, либо предприниматели и менеджеры, имеющие высокий уровень дохода, причем, охрана и привилегии автоматически распространяются и на членов их семей.

Эти два различия приводят к формированию двух разных социальных миров. Первый – демократический, «нормальный», в нем заключают письменные контракты, обращаются в суд, журналисты и телевидение показывают дискуссии депутатов, политологов и экономистов о будущем России. Второй – полностью закрытый, здесь говорят эвфемизмами, здесь есть «цена вопроса», «умение договариваться», «деловые люди», «рамсы» и «стрелки». Именно здесь создается основной объем российского ВВП, но при этом проблемы данного мира не обсуждаются и даже не могут быть озвучены.

Уровень преступности в якобы «бандитском» Петербурге в 2009 г. в два раза ниже, чем в регионах-«лидерах», в Москве – в полтора раза ниже, хотя в девяностые дела обстояли иначе.

Стоит отметить также продолжающийся рост преступности в Москве (даже по сравнению с неблагополучным 1990 г.) более чем в три раза. Это – очень настораживающий показатель, поскольку если политический режим не справляется с валом децентрализованного насилия даже в столице, это может привести к реальной утрате контроля над аппаратом принуждения и формированию конкурирующих групп в борьбе за власть с последующим распадом государства.

Заключение: возможности инноваций.

Модель «шарашки»: возможности и пределы

Основная проблема перехода к государству открытого доступа, как она видится в российских условиях зрелого естественного государства, заключается в снижении степени криминального, децентрализованного насилия. Решение этой проблемы, по-видимому, требует реальной, а не декоративной реформы полиции, изменения работы судебной системы и всей совокупности правоохранительных органов. В то же время само по себе усиление полицейского контроля обычно связывается с усилением авторитарных начал, укреплением власти правящей коалиции, что на первый взгляд отдаляет, а не приближает переход к государству открытого доступа. Тем не менее, альтернативой активизации полицейской работы, как показали события лета 2011 г. в Сагре [Гладилин 2011], оказывается появление «отрядов самообороны» и открытое вооруженное противостояние между различными социальными группами.

Однако снижение степени децентрализованного насилия как и становление подлинно независимой судебной системы – лишь первый и необходимый шаг в переходе к государству открытого доступа. Норт и соавторы обходят молчанием институты, обеспечивающие развитие НИОКР и инноваций; неявно предполагая, что они возникают и работают в демократических обществах «автоматически». Но именно эти институты обеспечивают длительный экономический рост, обеспечивая взаимосвязи производства, бизнеса, науки и образования.

Принципиальным для темы данной статьи является формирование заказа на инновации со стороны бизнеса и государства, установление договорных отноше-

ний (вплоть до создания совместных лабораторий) между корпорациями и университетами, заказы на проведение экономических и социологических исследований со стороны органов власти. Тем самым в условиях государства открытого доступа формируется среда, враждебная патрон-клиентским отношениям, направленная на открытую дискуссию и оспаривание, что позволяет вырабатывать альтернативные курсы экономической, социальной, технической политики. Такая среда предусматривает и институциональное равенство различных социальных субъектов, что минимизирует страх и неопределенность в отношениях между ними. Несмотря на всю сложность отношений, возникающих вокруг интеллектуальной собственности, можно утверждать, что в основном эти отношения определены и права собственности гарантируются.

То обстоятельство, что взаимодействие разных, но формально равных социальных акторов в процессе инноваций снижает репутационный страх и позволяет ученым, журналистам, деятелям культуры накапливать их символический капитал, вероятно, является с точки зрения западного социолога банальностью. Более того, репутация в этой системе имеет непосредственные связи со стоимостной оценкой символического капитала, которым располагает тот или иной индивидуум, существенно влияя на его доход.

Иначе дело обстоит в естественных государствах: символический капитал не отделяется от личности своего владельца, а последний может как входить, так и не входить в патрон-клиентские сети. Если творческий индивид сохраняет свою независимость и обладает большим авторитетом, он может начать подрывать репутацию как отдельных патронов, так и правящей коалиции, и такие прецеденты становятся широко известны, становясь популярными и, как следствие, опасными¹². Поэтому позиция зрелого естественного государства в отношении символического капитала хорошо иллюстрирует модель «шарашки»: для творческих людей создаются искусственные комфортные условия с социальной псевдореальностью, в рамках которой признается и уважается их авторитет. Но за пределами данного искусственного поселения их репутационный капитал, их право на оспаривание «умножается на ноль» – творческие результаты деятельности «шарашек» сравнительно мало распространяются, имена создателей тех или иных продуктов неизвестны. Репутация никак не конвертируется в доход, и при переезде из «ящика» в обычный город талантливый изобретатель, автор важных технических патентов может рассчитывать разве что на работу инженера в филиале федеральной корпорации или доцента в региональном политехническом вузе.

Смягченный вариант «шарашки» возникает и в отношении деятелей культуры и журналистов: они содержатся в относительно комфортных условиях в столицах, до определенной степени допускается оппозиционность высказываний и даже подрыв репутации особенно одиозных «патронов». Но за пределами столиц какая-либо оппозиционная пресса исчезает, а деятели культуры «кормятся с руки» власти или представителей крупного бизнеса.

Собственно, модель «шарашки» представляет собой своеобразную модификацию патрон-клиентских сетей: поскольку в них трудно или невозможно включить отдельных неуживчивых обладателей символического капитала, постольку они инкорпорируются в такие сети вместе с небольшими сообществами, в рамках которых можно наблюдать даже элементы отношений, характерных для государства открытого доступа. Такая модель позволяла решать многим странам отдельные задачи обеспечения конкурентоспособности, производства культурных образцов для формирования национальной идентичности, не меняя рентного характера

¹² В царской России, например, это была оппозиция многих известных университетских профессоров правящему режиму. Но то же самое имело место и в Германии (катедер-социализм), и во Франции (достаточно вспомнить статью Э. Золя «Я обвиняю») и т.д.

режима зрелого естественного государства. Но даже в таком ограниченном виде «шарашки» представляют собой определенную опасность, поскольку временное ослабление и демократизация режима может привести к разрушению их изоляции, ликвидации высокого уровня комфорта и последующим выступлениям творческих людей против прavaщей коалиции.

В этом отношении более надежным остается полное разрушение механизмов воспроизводства символического капитала, которое имело место в большинстве регионов России. Несмотря на официальные заявления о потребностях страны в «инновационной экономике», какой-либо социальный заказ от федеральных бизнеса и власти к региональным университетам отсутствует. При этом в условиях патрон-клиентских сетей такой заказ не может быть инициирован и снизу. Технологическое или экономическое состояние местного бизнеса должно сохраняться втайне от посторонних экспертов; решения, принимаемые региональной властью, еще более безальтернативны, чем на федеральном уровне. Задача региональных университетов – удовлетворение потребности местного населения в высшем образовании; если преподаватели, паче чаяния, патентуют свои научные разработки или пишут статьи в журналах, это свидетельствует лишь о высоком уровне преподавания и может поощряться премиями, но никакого отношения к местному бизнесу и местной власти это не имеет.

Символическая власть *ученого* и символическая власть *преподавателя*, несмотря на то, что в реальности это может быть один и тот же человек, принципиально различается, если смотреть на эти социальные роли с позиций местной власти. Ученый – человек, обладающий собственным символическим капиталом, способный на инновации, уникальный, независимый (что проявляется, в частности, в его способности к эмиграции). Преподаватель – транслятор чужих знаний, посредник между студентом и учебником, который легко может быть заменен или даже устранен из учебного процесса в случае применения дистанционных методов образования. Это – «бюджетник», человек изначально зависимый, его доход никак не связан с *качеством преподавания*. Репутационный капитал преподавателя, вздумавшего подрывать авторитет представителей власти или бизнеса, в сегодняшней России легко уничтожается с помощью осмеяния – «мы, практики, вот что скажем вам, теоретикам...» или противопоставлением мнения «столичного специалиста», зачастую вымышленного. Вдобавок официальные атрибуты символической власти – ученые степени и звания – активно приобретались чиновниками и бизнесменами: в настоящее время редко какой российский губернатор не имеет степени доктора наук. Использование такой простой процедуры привело к присвоению авторитета экспертного знания властью и бизнесом. Ни одна региональная «научно-практическая» конференция не обходится без докладов представителей власти, популяризирующих экономические чудеса своей неутомимой заботы об инновациях, предпринимательстве и местном населении. Поскольку результатом работы таких конференций являются сборники докладов и тезисов, именуемые в просторечии «братскими могилами», постольку дискуссий на таких мероприятиях не возникает, и все идет своим чередом. Некоторое разнообразие вносит разве что допускающая отдельные колкости региональная пресса, но в целом в компетентности региональных авторитетов не возникает и тени сомнения.

В результате высокого репутационного страха в провинции практически нет символического капитала, не принадлежащего местной власти и бизнесу¹³. Фор-

¹³ Строго говоря, это не совсем так. Роль региональных символов и производства образцов, к которым нужно стремиться, сейчас выполняют спортсмены, причем, необязательно местные: это могут быть приглашенные иностранные легионеры, выступающие за местный клуб. Профессиональный спорт в регионах России стал идеальной формой канализации потребности в авторитете, основанном на личных заслугах (меритократии), а не на богатстве или принадлежности к начальству. Он формирует идентичность, не будучи опасен для патрон-клиентских сетей. Впрочем, это понимали еще древние римляне.

мирование каких-либо местных инновационных цепочек образование – НИОКР – опытное производство – массовое производство практически исключено, как и исключена критика региональных властей преподавателями¹⁴. Если на федеральном уровне необходимость символической власти признается, и политики опираются на авторитет отдельных деятелей культуры, ученых, журналистов, вступая с ними в диалог, то на региональном уровне – это слишком большая роскошь.

В этих условиях для построения инновационной экономики федеральная власть приняла проект создания научного центра в Сколково, в основу которого положен рассмотренный выше принцип «шарашки» – создания искусственных условий, радикально отличающихся от обычной институциональной российской среды. Возможно, проект в Сколково и принесет какие-то *отдельные технические инновации*, как «шарашки» приносили их и при Сталине, но он в принципе не может поменять институциональную среду, в которой взаимодействуют отечественные образование, наука, бизнес и власть.

Литература

- Гладилин И. (2011) Расследование событий в Сагре «смахивает на издевательство» // <http://www.km.ru/v-rossii/2011/07/11/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-rossii/rassledovanie-sobytiy-v-sagre-smakhivaet-n>
- Жувенель Б. (2011) Власть: Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль.
- Кордонский С.Г. (2010) Россия. Поместная федерация. М.: Европа.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Ореховский П.А. (2011) Инновационная экономика в свете теории неявного контракта // Общество и экономика, № 3.
- Павловский Г.О. (2012) Гениальная власть! Словарь политических абстракций Кремля. М.: Европа.
- Регионы России. Социально-экономические показатели (2010). Росстат. М.
- Российский статистический ежегодник (2010). Росстат. М.
- Тилли Ч. (2007) Демократия. М.: Институт общественного проектирования.
- Уильямсон О. (1996) Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, CEV Press.
- Фукуяма Ф. (2004) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ.
- Якутенко И. (2012) Крепкие корни // <http://lenta.ru/articles/2012/02/13/kushevka/>

---

¹⁴ Зато на конференциях и семинарах от местных преподавателей и аспирантов сильно достается федеральным властям и федеральным сетям, «не желающим понимать» потребности региона. Такая критика поощряется, поскольку показывает трудность решения задач, стоящих перед местной властью. Тут и объективные проблемы, и федеральная власть мешает. И только гигантский управленческий и предпринимательский талант местной власти, вопреки всему, позволяет добиться социально-экономического развития на вверенной территории.